

Дядюшка Соломонъ, дойдя до этого пункта, положилъ письмо на столъ и оглядѣлъ всѣхъ, разинувъ ротъ:

— Я думалъ, что могу похвалиться понятливостью, но это превосходитъ мое пониманіе, — объявилъ онъ.

— Вотъ люди... какъ бишь ихъ зовутъ? Лидбиттеръ и Ганди (должно быть занимаются по газовой и декоративной части) пишутъ за-разъ, что не могутъ придти, поглядѣть на ваши звонки, въ исправности-ли они, и что не желаютъ жениться на вашей дочери. Кто ихъ просилъ объ этомъ? Неужели ты такъ низко палъ, Матью, что пошелъ предлагать руку Трикси какому-то газопроводчику? Не могу этому повѣрить; что же это все значить въ такомъ случаѣ? Объясните мнѣ и я вамъ буду за то очень благодаренъ.

— Не спрашивайте меня, — отвѣчалъ несчастный отецъ, — я ничего не знаю.

— Трикси, тебѣ извѣстно что-нибудь на счетъ этого? — спросила миссисъ Ашбернъ подозрительно.

— Нѣтъ, милая мамаша. Я не желаю выходить замужъ ни за м-ра Лидбиттера, ни за м-ра Ганди.

Положеніе Марка становилось нестерпимо; сначала онъ надѣялся, что если промолчать, то отдѣлается отъ разспросовъ въ настоящую минуту, когда на него обрушился тяжкій ударъ: отказъ редакціи напечатать оба его романа, на которые онъ возлагалъ такія надежды. Перенести этотъ ударъ публично было еще тяжелѣе, но онъ понялъ, что никакъ не отдѣлается и что родственники не оставятъ этого дѣла безъ разслѣдованія, а потому рѣшилъ поскорѣй вывести ихъ изъ заблужденія.

Но голосъ его дрожалъ и лицо было красно, когда онъ сказалъ:

— Полагаю, что могу объяснить вамъ это.

— Ты! — вскричали всѣ, при чемъ дядюшка Соломонъ замѣтилъ, что молодые люди очень поумнѣли съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ молодъ.

— Да! это письмо, адресовано ко мнѣ... видите на конвертѣ стоитъ: М-ръ Ашбернъ, имени не обозначено, Марку или Матью Ашберну. Это письмо отъ... отъ одной издательской фирмы, — продолжалъ несчастный Маркъ, отрывистымъ тономъ... Я послалъ ей два своихъ романа: одинъ называется „Дочь красавица“, а другой „Звонкіе колокола“, и ихъ отказываются напечатать, вотъ и все.

Это извѣстіе произвело „сенсацию“, какъ выражаются репортеры. Марта засмѣялась кисло и пренебрежительно. Кутбертъ